

КРО

Р 556

12

КО ДИЛ

Рисунок Л. Бродаты

КОЗЬМА ПРУТКОВ В ЛОК-БАТАНЕ

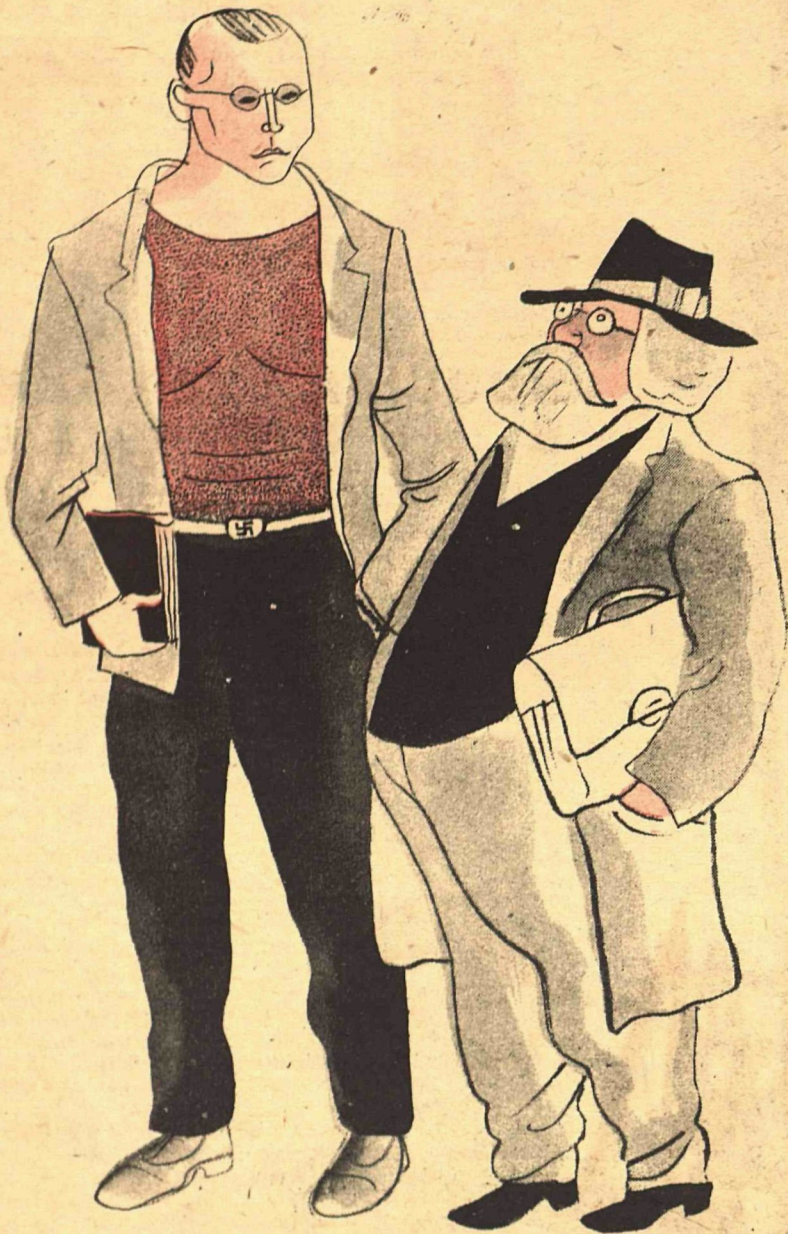
„Если у тебя есть фонтан, — заткни его: дай отдохнуть и фонтану“.

Козьма Прутков.

— Отмежевываюсь, товарищи, от вышеприведенного заявления, ибо не всякому фонтану потребен отдых.

Р. С. Развернутую критику своих ошибок дам в одном из следующих номеров *К. П.*

Рис. В. Коалинского (тема М. Глушкова)

— Я думал, что вы профессор, а вы, оказывается, еврей.

ПРИНЦЕССА ТУРАНДОТ

(Выступление колхозницы)

В предыдущем кратком слове
Говорил животновод:
О кормах и о корове
И значении пород.
Что касается науки,
То ему и книги в руки.
Что касается пород,
То ему и цифры в рот.
Так уж сделала природа:
Есть молочная порода,
А иной породы скот
На говядину идет.
Что касается силоса, —
Всем понятна суть вопроса.
В смысле месячки и трав
Зоотехник тоже прав.
Но, науке не в обиду,
Скотоводу не в вину,
Все ж он выпустил из виду
Пустьяковину одну.

Например из-за пригорка
Вылезает холмогорка.
До того она в грязи,
Что смотреть нельзя вблизи.
Ничего она не хочет,
Чуть конечности волочит
Злые полчища слепней
Тучей носятся над ней.
Шерсть на ребрах в клочья сбита,
Изувечены копыта,
Сквозь бока скелет торчит,
И бубенчик не бренчит.
Ожидает только свалка
Эту падаль на ногах.
Вместо бантика мочалка
Догнивает на рогах.
И не зря пастух сурово
Злую фразу вбил, как гвоздь:
— Это даже не корова,
А селедочная кость.
Говорить подробней надо ль?
Тут нам нечего таить.
Ясно — этакую падаль
Мало радости доить!
Вид достаточно противный.
В чем же дело? Как же так?
А хозяин... коллективный
И зовется „Красный мак“.

Продолжаю дальше слово:
Вот вам новая корова
Фабрикации одной,
Только вид совсем иной.
Вышла, стала на дорожке.
Что за рожки! Что за ножки!
Что за поступь, что за взгляд!
Прямо душу веселят!
В трех водах буренка мыта,
Полированы копыта.

Вся — до кончика хвоста —
Аккуратна и чиста,
Ходит, делает, что хочет.
Колокольчиком грохочет.
И как цветик на лугах,
Алый бантик на рогах.
Как по солнечной лужайке
Проплывет во всей красе, —
И коровы и хозяйки
От восторга млеют все.
И не зря такое слово
Произнес пастух Федот:
— Это — даже не корова,
А принцесса Турандот!
Вот ведут принцессу в стойло,
Вот дают принцессе пойло.
Отгоняет липких мух
Свежесорванный лопух.
Вот хозяйюшка за дойкой,
Под ее рукою бойкою
И обильно и легко
Зажурчало молоко.
Точно зеркало, ведерко,
И хозяйка смотрит зорко,
Чтоб шерстиночка с бедра
Не коснулась бы ведра;
Чтоб не села бы пылинка,
Не попала бы былинка;
Чтобы свежий ветерок
Не пробрался за порог.
Много значит обстановка,
Мудрено ли, что коровка,
Переполнив млечный жбан,
Выдвигает встречный план.
И Федот недаром снова
Громко ахнул:
— Ну, и гад!
Это вовсе не корова,
А рогатый агрегат!
У коровы облик дивный,
А хозяин — коллективный —
Тот же самый „Красный мак“.

В чем же дело? Как же так?
Вот ответ на „каки-таки“:
„Рыбья кость“ и „Агрегат“,
Хоть и обе в „Красном маке“,
Но —
У разных
Двух
Бригад.
Суть не только в той породе,
Что природа нам дает,
А еще и в том народе,
Что породу создает.
По породе все коровы
И красивы и здоровы,
Если ж — кожа да рога,
Значит — вылазка врага!

ИЗ-ЗА ЛЮБВИ

(Очищительная речь)

— Вот, товарищ, сейчас вы прочищаете ЗАХАРОВА, то-есть меня. Дело это — общественное, политическое, а никак не личное. Но все-таки я вынужден поговорить и о личной своей жизни, потому что это проливает, так сказать, необходимый свет.

Я, товарищи, всегда любил свою жену. А если любишь какого-нибудь человека, то того человека, конечно, стараешься не огорчать. Бывало, заведешь себе на стороне случайную интрижку и оставляешь, конечно, там большую часть своего жалованья. А как же осветить этот факт в глазах любимой жены? Очень просто: скудность принесенных домой материальных ресурсов объясняешь невыносимыми вычетами: „Дескать, обложили в принудительном порядке на какие-то дирижабли, и на Автодоры, и на культурные нужды, и в пользу месткома — форменное ограбление трудящихся!“ Ну, что ж? Жена поругает, поругает советскую власть за подобное безобразие и успокоится. Даже еще пожалеет меня. А выложи я ей всю правду, что ж бы было?.. Огорчение, слезы, полный разлад семейного счастья и дискредитация любимого мужа в глазах любимой жены!

Все это, конечно, мелочи быта. Согласно инструкции, копаться в них не рекомендуется, тем более, что и жена моя давно скончалась. Но если я все-таки копаюсь в мелочах быта, то лишь потому, что они, так сказать, проливают свет.

Дело в том, что нашу дорогую партию ВКП(б) я люблю не менее, чем любил жену. И вот поэтому-то я своевременно отрапортовал нашему дорогому обкому, что сев в нашем районе закончен героически и в срок, на все сто процентов.

Это верно, что к количеству засеянной площади я присоединил луга, на которых трава произрастает сама по себе, а так же весь пар, на котором ничего не произрастает. Но сделал я это из-за любви к нашей дорогой партии: для того, чтобы преподнести ей приятную, утешительную

сводку. А что ж бы, если бы я сообщил голую правду? Неужели ж обкому приятно было бы узнать, что в нашем районе плац сева выполнен всего на девятнадцать процентов? Нет, товарищи, это непредвиденное обстоятельство очень огорчило бы и обком и его секретаря — нашего дорогого партийного начальника!

А если бы я добавил к этому, что папаша мой и мой единокровный брат являются кулаками, то не пополнилась ли бы чаша огорчений еще одной крупной каплей? Разве ж, товарищи, нашей парторганизации приятно было бы узнать о лишнем случае засорения партийных рядов в моем лице? Нет, товарищи, это тоже было бы для нее огорчительно.

Но что ж я говорю — было бы! Вот сейчас перед вами стоит Захаров, которого вы прочищаете, то-есть я. И вам хорошо известно, что его, этого самого прочищаемого Захарова, подвергли критике и дискредитировали в газете, бестактно обнаружив все то, что я так тщательно скрывал от нашей дорогой партии ВКП(б) по причине моей самоотверженной к ней любви!

Таким образом, партия уже огорчилась. Факт совершился! Что же касается меня, то я не о себе думаю, а о партии. О себе я говорил только для того, чтобы пролить, так сказать, необходимый свет.

А сейчас, когда очередь доходит до выводов, поговорим о выводах. Поговорим и скажем:

— Что ж, можно наложить на Захарова, на меня то-есть, какое-нибудь партвызыскание. Небольшое, конечно. Протестовать он не будет. И верно, товарищи!.. Налагайте! Моя преданность партии поможет мне безропотно перенести и эту несправедливость!

Что? Как?! Исключить из рядов?.. За что же, товарищи?.. За всю за мою за любовь?..

ГРАМЕН

УТРО ЛЕЙТЕНАНТА ЗИВИАНУ

(Бессарабская новелла)

Во рту у лейтенанта Зивиану нестерпимо горько и сухо — ночью он выпил стопку хинина и закусил ее губкой. Хочется рому, но денег нет. Лейтенант сидит у себя за исчерпанным столом в охранке и тупым взглядом смотрит, как сочное бессарабское солнце сквозь запыленное стекло поползло сначала по его волосатому пальцу, а потом заискрилось на большом поддельном бриллианте в серебряной оправе. Обидно... Обидно на то, что от давно немых ног в лакированных сапогах едко и плохо пахнет и что вчера ночью в ресторане какой-то кавалер в зеленом мундире ударил бутылкой, от чего до сих пор еще ноет ухо.

— Гридеску!

В комнату лихо вбегают широкоплечий человек с большими усами, похожими на раздавленный черный пластырь, и щелкает шпорами.

— Здесь, господин лейтенант!

Лицо у Гридеску оспенное, как терка. Он с тревогой смотрит на лейтенанта Зивиану и соображает: успел тот опохмелиться или нет? Зивиану сразу забывает, зачем он позвал его, и только, чтобы не ронять дисциплины, коротко бросает:

— Получить в морду. Хочешь?

Сержанту Гридеску этого определенно не хочется. Поэтому он выдерживает паузу и, откашливаясь, солидно докладывает:

— Привел. С утра дожидается.

— Кто?

— У которого брат с лавочкой. Прикажете привести?

— Чорт с тобой. Веди!

За дверью, едва только вышел Гридеску, начинается тихая возня, точно взбивают подушки перед сном, дверь приоткрывается, и в комнату спиной к лейтенанту впрыгивает, держась за бок, маленький пожилой человек с большой бородой, в стоптанных белых туфлях.

— Гридеску! Опять?! — вяло кричит лейтенант.

— Я ж ничего... Он сам! — доносится недовольный голос Гридеску.

Человек с бородой испуганно останавливается посередине. Большие глаза, похожие на пуговицы, плавающие в масле, смотрят умоляюще. У него прыгают губы и трясется, серенький легкий пиджачок. По узкой лысине, точно ртутная, бежит большая капля пота.

Садитесь!

Лейтенант Зивиану небрежным жестом приоткрывает синюю папку большим пистолетом, на дуле которого выцарапано какое-то неприличное слово, и слегка икнув от утренней изжоги, говорит в упор:

— Сознвайтесь, чтобы не терять времени. От какой секции Коминтерна получаете литературу?

Человечек, еле ощущая худым задом клеенку кресла, смотрит в угол и лепечет монотонно, без запятых:

— Я люблю короля люблю королеву хожу в церковь меня все знают мои родственники торгуют сеном магазин моего брата...

— Ах, вот как — магазин? — не без любопытства осведомляется лейтенант Зивиану. — Свежее сено?

— Деготь и образа.

— Доход какой?

— Какой теперь доход, — вдруг оживает человек с бородой. — Разве теперь кто-нибудь мажет дегтем колеса или покупает икону? Кто?

— Не мажут?

— Не мажут, — вздыхает человек.

— Не мажут, — повторяет за ним, позевывая, лейтенант Зивиану. И вдруг вспомнив, что рома нет и во вчерашнем ресторане не дадут в долг пообедать, а еще заставят заплатить за сломанный абажур, спрашивает быстро и деловито:

— Сколько получили из Москвы на хранение коммунистической литературы?

— От кого? — ежится человек. — Я люблю короля, нашу дорогую королеву... Я никого не видел... Я резал мозоль... У меня сноха больная... Какая у меня литература при моей печени...

— Посидеть придется, — немного спустя грустно говорит лейтенант Зивиану и раскрывает синюю папку. Там сверху лежит потрепанный каталог бухарской выставки. Лейтенант внимательно еще раз рассматривает физиономию дога с обрубленным хвостом и добавляет:

— Нам все известно. Сколько получили?

Наступает длительная пауза. Человек вдруг успокаивается, что-то сообразив, чешет за ухом и обиженно отвечает:

— Семьдесят лей!

— Четыреста, — позевывая, говорит лейтенант, снова заглянув в каталог. — Нам все известно. Желаете передать деньги государству или...

— Желая, — вздыхает человек. — Девяносто.

— Гридеску! Где ты там! Тут человека отвести надо...

— Сто пятнадцать, — прикладывает руку к зубам человек. — Честное слово больше не могу. В прошлый месяц двести взяли, господин полковник.

— Перед вами офицер, а не лошадиный барышник, — не забывайте. Триста.

— Сто сорок, и деньги при себе, господин майор.

Из форточки пахнуло запахом жареной баранины, и Зивиану кончает разговор:

— Двести, двести и можете резать дальше свои мозоли.

Когда человек с бородой уходит, неловко раскачиваясь, за порог, лейтенант лениво потягивается, поправляет шитый серебром воротник и сладко улыбается в маленькое, расколотое карманное зеркало. За дверьми слышен спор двух голосов — тонкого, обиженного и жизнерадостного баритона. Опять точно взбивают подушки, и до лейтенанта доходит заглушенное негодование Гридеску:

— Отсчитывай тридцать! Ну, ты...

Лейтенант идет завтракать. Около охранки на грязной улице — птичий базар. Тощий, рыжий крестьянин держит под мышками двух ощипанных гусей и медленно жует табак. Зивиану некоторое время пристально смотрит на него, посвистывает, возвращается обратно и говорит Гридеску, пересчитывающему на широкой ладони серебряную мелочь:

— Тут человек стоит с гусями... Шпион, наверно...

— Не извольте беспокоиться. Который это? Вот этот, рыжий? Эй, папаша!

Издали слышен благовест. Горячее бессарабское солнце прорвалось сквозь фуражку и растапливает жирный фиксатуар на густых волосах лейтенанта Зивиану.

КОРОЛЬ ВОЗДУХА

Жизнь, безусловно, шагает вперед. Человечество с помощью науки достигает чорт знает чего. Одни с аэропланов на зонтиках прыгают; другие из курицы петуха вырабатывают; третьи из пяти распределителей сразу продукты без насоса выкачивают, а четвертые из воздуха дензнаки себе добывают и живут припеваючи. А способ у них такой:

— В Московское представительство окраинной республики или области бойко входит костлявый субъект.

— Ваша окраина в культурных силах нуждается?

— Очень, очень, — говорит секретарь, — а вы что?

— Экономист Каракумов-Бенгальский. Спец по окраинам. Могу выехать завтра. Пятьсот в месяц. Подъемные. Спальный вагон.

— Да, но вы, собственно, что же можете делать?

— Все. Планы разные, доклады, экономфакторы вычислять, в командировки могу, расстоянием не стесняюсь. Но чтоб суточные и спецпакет. Да, впрочем, ознакомьтесь с моими бумагами! Я же спец. Меня нарасхват семь республик зовет!

По бумагам выходит, действительно, золотой человек. В трех республиках и двух областях экономистом и консультантом работал. Энергичный, чорт...

— А как вы насчет языка?

— Любой изучу. Хоть с горошком. Три уже знаю и ваш — через месяц...

Тут заключается договор на год. Конечно: подъемные, суточные, спальный вагон.

В мае экономист, весь в ремнях и гетрах, уезжает с тощим чемоданом куда-нибудь в Каракалпакский камышитовый трест. Июнь, — он знакомится с обстановкой, с делами. В июле он сидит в кабинете со спущенными от дикого зноя штормами и обиженно говорит председателю товарищу Скромному, заработавшемуся местному труженику.

— Нет, дорогой товарищ! Не цените вы культурных людей!.. Ну, что вы меня в этой песчаной дыре маринуете? Меня! Да ведь у меня гениальные связи в Москве! Я же вам протащу любую смету, любой материал раздобуду! Да я в Совнарком докладываю о тресте поставлю! Я-то? Ого-го!?. Не знаете вы еще, недооцениваете Каракумова!

Опять суточные, аванс, рыжий бархат дивана. Но вместо потертого пиджачишки — роскошный костюм. А вместо тощего чемоданишка — три пухлых с собой да пять в багаже, не считая ящичков с рисом, изюмом и шитыми тубетейками.

Два-три месяца проходит в приятных московских хлопотах. Через день посылаются молнии:

„Обещают личный доклад Наркомснабу. Дотация обеспечена. Жду вторую тысячу“.

Знакомые изумленно спрашивают:

— Ты ли это? В каком санатории был? Наследство получил? Откуда такой шевиот? Что ты сливками, что ли, питаешься?..

В октябре, утомившись, Каракумов требует отпуск. Надорвался на дикой окраине. Подточил силы в хлопотах...

В представительстве он теперь „свой человек“. В результате: отпускные, проезд в Туапсе. Октябрь там, ноябрь в Сочи. Телеграмма: „Врачи подтвердили склероз. Угасаю. Триста“.

В декабре угасающий Каракумов приносит свидетельство от трех лучших врачей: „Жизнь на юге угрожает кончиной“.

Трогательные слезы расставанья. Только, только сработался и вот... Здоровье проклятое... Надорвал на окраинах... Глушь. Лишения. Тигры, как блохи... Жаль. Плачу. Поправлюсь, — весь ваш. А пока кладут в клинику...

Выходные. Пособие на лечение. Жалко парня, — знаток! Культсила!..

До марта Каракумову отлично хватает привезенных запасов, халатов, шелков и пособий. На дому у него универмаг.

А в апреле...

„В Московское представительство окраинной республики...“ (читай все сначала!)

Друзья изумляются: „Чорт тебя знает, как это ты ловко устраиваешься? За что тебе деньги платят?“

— Я — не вы! — гордо говорит Каракумов. — Я не московский чиновник, а работник с далекой окраины. Я бьюсь на глухих аванпостах строительства. Голодаю и холодаю. И заслужил свой отдых. Уж если меня да не ценить!.. Да по мне семь республик плачут!..

Он немножко неточен. Республики, в лице их представительств, плачут по выброшенным зря деньгам. Плачут по настоящим работникам.

А по Каракумову если и плачет, то... совсем недалекий и далеко не экзотический — домзак.

Рис. К. Елисеева (тема Я. Бельского и М. Вольпина)

Я вышел пройтись по Тверскому бульвару,
Надел полотняную брючную пару,
И белые туфли в зубном порошке
Прозрачно дымилась при каждом шажке.
Но так же, как бык от багряного цвета,
От белого в ярость московское лето
Приходит. И ливнем скопление вод
На белые брюки низверг небосвод.
И ринулись рыжие реки на камень,
И камень уже захлебнуться готов.
У редких прохожих, блистая шелками,
В руках распустились бутоны зонтов.
В прилипших штанах, под навесом палатки
Стою, проклиная небес неполадки,
Московское лето и свой туалет
И мокрую даму сомнительных лет.
Стегают панель водяные канаты,
Сочится из выбоин мутная кровь,
Когда же он кончится, ливень прохлятый,
Размытый асфальт и соседкину бровь?
Две некогда очень сухие старушки
Намокли, как булки, по лужам плещу.
Чугунный и непромокаемый Пушкин
Дрожит под тяжелым покровом плаща.
Уже вспоминалось про гибель Содома,
Про буйства с плотины сорвавшихся рек...
И вдруг из ворот трехэтажного дома
Возник величавый седой человек.
Дальнейшее я не придумал нарочно,
Дальнейшее так же реально и точно,
Как, помните, в самом начале стиха
Правдивые строчки насчет порошка.
Седой, вперевалку, с ленточью восточной,
Дошел, не спеша, до трубы водосточной,
За ним по земле волочилась кишка.
Постойте! Но это ж фанатик какой-то!
Ему на стихийный разгул наплевать!
Четыре часа — и пора из брандспойта
Присвоенный жакету квартал поливать.
Седой идиот, бюрократ бородатый!
А впрочем я, кажется, слишком суров.
Бывают почище тебя бюрократы...
Мне жалко растратить и так небогатый
Словарь допустимых ругательных слов.

МИХАИЛ ВОЛЬПИН

Но болезненный с поразительным упрямством утверждал, что спутать не мог, так как родился в этой станице и вырос в ней. А что касается МТС, то таковой здесь не имеется. И анадьсь не было, и давеча не было, и нонича нет.

— В таком случае, это фантазмагория, — забормотал представитель, — техника на грани фантастики!

В стансовате он нашел все бумаги, отправленные в свое время МТС: и денежные переводы, и отношения, и инструкции, и запросы, и простые телеграммы, и телеграммы-молнии, и даже сообщения о фонде, отпущенном на оплату труда несуществующих работников призрачной МТС, и даже пакет от прокурора, и даже письмо от Ставропольского отделения Крайзернотракторцентра, где жаждут узнать адрес дорогого товарища директора, которого, вообще-то говоря, не существует в природе.

Но поразительнее всего было сообщение Соцзембанка. Там сообщалось, что из прибылей МТС снято две тысячи рублей различных отчислений. Вот, действительно, чудо! МТС нету, а прибыль от нее есть. И вероятно, огромная прибыль, если одних отчислений взято две тысячи.

— Позвольте, — прошептал представитель, — кому же я поставлю на вид? Кому сделаю выговор? Кого отдам под суд? Ведь никого нет! И ничего нет! Одна прибыль! Где же убытки?

И снова собралась летучка в Крайзернотракторцентре. Со всех сторон сбегались на нее инструкторы, эксперты, консультанты.

Горячий доклад представителя был выслушан в молчании.

— Так-с! — сказал ответственный в краевом масштабе тракторный голос. — Все это очень хорошо. Но вы мне скажите, какой дурак выдумал, что там есть МТС, если ее нету? Какой дурак, я вас спрашиваю?

— Да, действительно, какой дурак? — оживилось собрание. — Хорошо бы его поймать и... м-м-м... поставить ему на вид.

- Что там „на вид“! Строгий выговор!
- С предупреждением!
- Выгнать вон!
- Отдать под суд!!!

И собравшиеся, скорбя и негодуя, посмотрели друг на друга. У них были потные, благородные лица, чистые глаза, чудесные лбы.

Здесь дураков, конечно, не было.

ИЛЬЯ ИЛЬФ, ЕВГЕНИЙ ПЕТРОВ

НАУТСНИЙ: — Пустите старичка руки погреть..

у Наркома

ЗДРАВООХРАНЕНИЯ ТОВ. ВЛАДИМИРСКОГО

Обогащенный опытом практического лечения социальных болезней (хронический бюрократизм, оппортунистическая близорукость, мания рвачества и т. д.), „Крокодил“ берет на себя смелость освидетельствовать состояние отдельных органов здравоохранения, установить диагноз и предложить соответствующее лечение.

Пациенту — шестнадцатый год. Организм крепкий. Телосложение правильное. Чувствуется заботливое отношение окружающих. При более внимательном осмотре бросается в глаза **подозрительная сыпь (бюрократизма)** на отдельных частях тела. Анализ выделений (писем с мест и материалов обследования) обнаружил признаки след. заболеваний.

Несмотря на юный возраст, пациент страдает **старческой слабостью памяти**. Пациент, например, ничего не помнит о важнейших директивах партии и правительства по улучшению медицинского обслуживания шахтеров. Подобные провалы памяти вызывают нередко провалы в работе.

ОБЛОЖЕННЫЙ (ВОЛОКИТОЙ) ЯЗЫК говорит о явном запоре. 16 мая 1931 года Совнарком РСФСР

предложил Наркомздраву разработать санитарный минимум для шахт. Правительственное постановление застряло в сложном лабиринте кишечного аппарата и было обнаружено спустя два года в нетронутым виде, хотя, по словам пациента, этот минимум выполняется и притом не поверхностно, тогда как на поверхности максимум всех здравпунктов, в шахтах их минимальное количество. В Прокопьевске на 26 тысяч шахтеров под землей минимум здравпунктов — ни одного. В здравпунктах Подмосковных рудников на 8 тысяч шахтеров такой же минимум врачей. Обслуживают эти пункты сестры с минимумом знаний, необходимых лишь для заполнения анкет, в которых минимум 164 вопроса.

ВОДОБОЯЗНЬ В ОСТРОЙ ФОРМЕ. В шахтах № 2 и 3 Копейского рудника, на Урале, в шахте № 56 подмосковского рудника имени Кагановича баки с кипяченой водой отсутствуют. В комсомольской столовой Копейских рудников один туалетный ручной с одним рожком обслуживает четыре тысячи обедующих. В Прокопьевской больнице больных моют только по праздникам — в дни рождения заведующего больницей, хотя имеются и ванны и горячая вода. Бани в поселке Копи работают на шахтной воде. Волосы после этой воды слипаются так, что никакими граблями их не расчесать. Помимо столь исключительных минеральных качеств, эта вода весьма капризна. Зачастую шахтеры вынуждены взмыленные, но недомытые возвращаться домой.

ЧАСТЫЕ ГОЛОВОКРУЖЕНИЯ (от успехов) и бессонница (от прорыва) привели к тому, что па-

циент в порыве полного оздоровления трудящихся отказался от организации медпомощи на дому. Пациент убежден, что число заболеваний идет на убыль: не всякому охота болеть, чтобы тащиться за несколько километров в здравпункт.

СИЛЬНЫЙ НАСМОРК выразился в том, что новая, выстроенная в прошлом году больница на руднике им. Кагановича уже протекает и разрушается. Полы не подметаются. У входа в больницу устроена свалка.

УЧАЩЕННОЕ СЕРДЦЕБИЕНИЕ испытывает пациент всякий раз, когда приходится менять белье в Прокопьевской больнице. Поэтому белье там меняется очень редко, хотя его хватает на четыре смены. Когда в постели одного больного обнаружили вошь, пациент устами главврача возмутился: „Стоит ли поднимать такой большой скандал из-за такой маленькой вши?“

Диагноз установлен. Лечить предлагается комбинированным способом: оперативным хирургическим вмешательством, срочной очисткой желудка от засорения, переливанием здоровой рабочей крови. Рекомендуются три раза в день принимать по столовой ложке крепкого единоначалия, а также обеспечить согревающий компресс внимания пролетарской общественности. После всех этих процедур здоровый по своей конституции организм, несомненно, быстро окрепнет и оправится.

Доверенный врач „Крокодила“

Е. ВЕСЕНИН

ДАЧНАЯ ЖИЗНЬ

Рис. М. Храпковского (тема А. Бухова)

ШУТ НА ПАРАШЮТЕ

Очеркист „Вечерней красной газеты“ Евг. Терник написал произведение, напечатанное в газете под заголовком „Прыжок с парашютом“. Прыжок получился головокружительный.

Терник, якобы со слов ленинградского парашютиста авиационного инженера Г. Титова, захлебываясь, потрясает читателя сенсациями „Об использовании тягловой силы парашюта“.

„Тов. Титов развертывает заманчивую картину использования этой тягловой силы. При помощи парашюта можно корчевать пни (подчеркнуто автором), развернутый парашют при хорошем ветре на освобожденной от леса делянке моментально вырвет пень вместе с корнем“.

Ни тов. Терник ни тов. Титов не описывают этого процесса во всех деталях. Дальше оказывается, что парашют ждут более серьезные дела:

„Возможна пахота при помощи парашюта. Есть районы, где постоянно дуют сильные ветры (Крым, Сев. Кавказ). При электро- и паровой пахоте плуг движется по полю с помощью тросов, наматываемых на барабаны и приводимых в движение двигателем. Парашют дает возможность обойтись с одним плугом без двигателя. Два парашюта обслуживают один плуг. Будучи раскрытым, один из них с силой потащит плуг тросом в нужном направлении через блок. В конце борозды парашют быстро (в течение полминуты) складывается притягиванием к земле за верхнюю стропу, и плуг останавливается. Раскрывается другой парашют, который через второй блок тянет плуг в обратном направлении. Опыты пахоты при помощи парашюта будут поставлены у нас в Союзе этой весной“.

Лапунтские академики, описанные в свифтовском „Гулливере“, не менее подробно обосновывали всякие проекты. Между прочим, эти академики дошли даже до изобретения машины, составляющей всякие сочинения чисто механическим путем, без участия мозга. Повидимому, очерк Евг. Терника является продуктом реализации именно этой идеи лапунтских ученых изобретателей.

С. ГОРСКИЙ

ФОКУСНИК В СОВХОЗЕ

Когда-то на ярмарках показывали замечательные фокусы: делали яичницу в шляпе или вытаскивали из носа „почтеннейшей публики“ пятаки.

Сейчас некоторые безработные фокусники ухитрились, повидимому, устроиться по другой специальности. Кладовщик первого отделения совхоза „Гигант“ показывает, например, такие фокусы: он прикрепил

к тарелке весов медный пятак в 20 граммов весом.

Этим пятаком Вахнин ухитрился вытащить у рабочих совхоза десяти килограммов сахара и хлеба.

Когда ярмарочных фокусников ловили, они спокойно заявляли:

— Фокус не удался. Монета отсырела.

Вахнина ловили не раз, но фокусы продолжают.

ВОСТОРГ АДМИНИСТРАТОРА

В рассуждении, чего бы такого заpretить, начальник 4-го эксплуатационного участка Среднеазиатской дороги издал такое постановление:

„Созыв неслужбных собраний, заседаний и кружков в здании управления эксплуатационного района категорически воспрещается“.

Напрасно профработники участка, партинструктор Дорпарта уговаривали начальника, что не вредит, хотя бы иногда, созвать парт- и профсобрание.

Начальник был непоколебим.

Слышал ли начальник эксплуатационного района о существовании советской власти, поощряющей такого рода собрания? И если нет, то почему?

СВИРЕПЫЙ МУХАМЕДОВ

Как известно, на железной дороге теперь проводится рационализация работ, упорядочение выдачи билетов и прочее.

Реформы дошли и до глухой Среднеазиатской станции Курган-Тюбе. При выдаче билетов начальник станции Мухамедов высовывает голову из окошка и собственноручно хлопает зазевавшегося пассажира по голове линейкой или ножницами, любезно пригласывая:

— Не задерживайся, холера! Нарушаешь порядок!

Ходят слухи, будто исполнительный Мухамедов навел на население такой страх, что матери, качая детей, пюют:

— Спи, младенец мой, усни, Мухамед тебя возьмёт!

РЕЙД В СТОЛОВУЮ

В свое время римский император Калигула в'ехал верхом на коне в сенат.

Громкая слава этого триумфально-го в'езда не давала спокойно спать Георгию Ивановичу Воронину, председателю Слободянского сельсовета (Зап. области). Наконец, решившись, Георгий Иванович в'ехал на коне в столовую, означенную, таким образом, торжественное открытие этого питательного учреждения.

Слободянский Калигула ждет теперь поэм и повестей, которые воспоют его знаменитый подвиг.

Впрочем, ему уже давно посвящен популярный роман Майн-Рида — „Всадник без головы“!

СКВОРЕЦ: — За червячком нельзя слететь... В момент помещения одадут.

ПАНИКА

Склонность к панике это уж нечто врожденное. И товарищ Ивченко—ответственный работник Уралскотводтреста волей судеб награжден именно такой склонностью, вследствие чего с ним случаются чрезвычайно странные происшествия. Так, например, о нем ходят слухи, что, прочитав однажды будто бы солнце через несколько миллионов лет, должно погаснуть, товарищ Ивченко впал в такую паническую меланхолию, что три дня не являлся на службу, все время сидел дома и смотрел на солнце в закопченное стекло.

Склонность к пополнению своего образования научными сведениями причинила и вторую столь же странную неприязнь товарищу Ивченко. Однажды товарищ Ивченко прочитал, что гольфштрем изменяет свое течение, отчего климат Европы впадает в странные колебания.

Человек менее панически настроенный, может быть, стал бы спокойно дожидаться, пока этот проклятый гольфштрем не одумается.

Но не таков товарищ Ивченко.

Он немедленно сел на машину, поехал в подведомственный ему Уралскотводтрест и в самом срочном порядке разослал всем подведомственным ему скотоводческим совхозам телеграмму такого содержания:

„Всем, всем, всем. Почтотелеграмма 318422. Всем директорам мясовхозов.

По метеорологическим данным в мае ожидается выпадение снега с морозом. Примите меры к укрытию скота в сухих помещениях, обеспечению кормами на зимний сезон. Заготовьте подстилку. Молодняк, стельный скот выпасайте поближе к базам“.

В мясовхозах паника. Что делать? Заканчивать огородный сев, готовиться к косьбе, начинать выпас скота или, наоборот, готовить сани и запасаться шубами на „общее дело зимовки“ согласно директивам руководства.

Отсюда мораль: некоторым руководителям Уралскотводтреста даже грамотность во вред.

Б. Г.

„КАДРИЛЬ ПО-ВЫКСУНСКИ“

В Выксунском коопхозе (Горьковского края) засели гениальные руководители. О качестве их мышления пусть говорят факты.

— Надо мобилизовать общественность города на весенний сев?

— Надо вовлечь в это важнейшее дело все население.

— Надо, наконец, сделать это в живой и гибкой форме?

— Да, да и да! — ответили сами себе руководители кампании. И решили устроить в клубе металлистов специальный вечер „с задачей мобилизации общественности Выксы на помощь коопхозу в весеннем севе“. Так точно сказано в пышной афише. Также афиша извещала выксунскую общественность о предстоящей программе-монстр. В ней были: 1. Доклад о готовности коопхоза к севу и помощи в этом населения Выксы. 2. Известная кинокартина „Абрек Заур“ и одновременно (!) в фойе танцы, игры, пляска на приз и три оркестра. Особенно поражает здесь смелое сочетание „призовых плясок“ с докладом о весеннем севе!

— Кто нам ответит (м. б. районные парторганизации?), в чем, собственно, выразилась помощь отплавившего целую ночь населения весеннему севу в Выксунском коопхозе?

„СЕМЕЙНАЯ БОТАНИКА“

ВИЗР — это совершенно официальное название Всесоюзного Института Защиты Растений.

Нето от вредителей и морозов, нето от... родственников. Недавно ВИЗР издал такой мрачный приказ:

„Для более ясного представления и всестороннего ознакомления с составом сотрудников ВИЗР и его филиалов...“ представлять в его сектор кадров регулярные сведения о сотрудниках ВИЗР, состоящих в родственных отношениях“.

Чтобы не было никаких отговорок и недомолвок, пункт второй приказа говорит еще жестче: „под

понятием родственников (!) иметь в виду не только лиц, законом предусмотренных по нисходящей линии, т.-е. жену, мужа, родителей, родных братьев и сестер, но так же по восходящей линии, т.-е. тещу, двоюродные братья и сестры, племянники и т. д.“ (!).

С каких пор родители попали в нисходящую линию, а теща и племянники — в восходящую, это юридический секрет авторов приказа.

Вскоре же поступили сведения из Среднеазиатского филиала (САИЗР).

Из десяти перечисленных в табели сотрудников десять оказались в „научно-родственных отношениях“. У завпунктом Ванюкова нашлась научная сотрудница Берденникова (она же жена!). Лаборант Завьялова оказалась женой научного сотрудника Цыкина. Завсектором Колесников привлек к святому делу защиты растений сестру жены Сатаеву. В. В. Знаменский — зав. опорным пунктом — „опирается“ на А. В. Знаменского — замдиректора и любимого брата. А сотрудник Архангельский женат на сотруднице Архангельской.

Подлинное с грустью „подписал директор САИЗР Стрижак“.

Все это только по одному отделению ВИЗР!

При этой системе ВИЗР лучше бы называться: Всесоюзный Институт Защиты Родственников.

Л. С.

ДОБРЫЙ ЗНАКОМЫЙ

О Марксе написав сонет
(А почему бы, мол, и нет!),
Поэт в ответ авторитетам,
Твердившим, что портрет с натурой-де

не схож,
Вскричал обиженно:

— Нахалы! Скажут тож!
Я ж Маркса знаю по ПОРТРЕТАМ!

ЭМИЛЬ КРОТКИЙ

ВОСЕМЬ ЗАВОВ, — ОДИН Я!

Рис. А. Топикова (тема Бен-Гали и Я. Бельского)

В Ленинградском птицетресте возле 200 кроликов кормятся 20 специалистов.

Этого кролика надо беречь: он нужен нам для размножения.

НА ФАШИСТСКОМ СПЕКТАКЛЕ

Заседания германского рейхстага происходят в театре.

Рис. Ю. Ганфа (тема М. Глушкова)

ВСЕ БИЛЕТЫ ПРОДАНЫ

ПРИМИТЕ И ПРОЧ

Аппетит приходит во время еды. В одном из городков Восточной Пруссии местные фашисты горячо обсуждали вопрос о том

не следует ли, кроме книг нежелательного содержания, сжечь на кострах и картины с революционной тематикой.

И сожгут. И останется в этом городе только одна картина: картина средневековья в 1933 году. Для украшения фашистского быта — это самое лучшее произведение искусства.

Но не во всем фашисты прибегают к таким жестоким мерам. Иногда и их охватывает приступ лирического благоговения, и тогда возникают такие, например, решения:

исхлопотать у папы благословение предполагающемуся большому съезду фашизированных профсоюзов.

Хлопоты, наверное, увенчаются успехом. Добрый папа еще и не то благословлял. Недаром им разрешено недавно католическим монахам в испанском Марокко принимать участие в военных судах над туземцами, тем более, что военный суд всегда возвышает и душу и тело туземцев. Душу — до небес, а тело — на высоту столба с перекладиной.

Эта забота о возвышении страждущих и обиженных не чужда и австрийскому правительству. Так, в Вене можно увидеть

на крышах домов в качестве кровельщиков безработных интеллигентов.

Можно ли после этого не сказать, что так высоко поднять интеллигенцию могла только буржуазная экономика сегодняшнего дня. И это тем более примечательно, что в некоторых странах экономическому кризису наносится решительный и категорический удар. Так, в штате Иллинойс

в октябре предполагается устройство грандиозных народных гуляний по поводу прекращающегося кризиса.

После этого даже стыдно подумать, что кризис посмеет остаться на территории штата. А в соседних штатах не дают покоя и валютному кризису и уже начали печатать мелкие деньги на полотне, чтобы не расходовать цветных металлов.

Это тоже остроумный выход. По крайней мере, теперь в Америке валютой можно вытирать слезы, а иногда и высморкаться в нее. Недаром американские экономисты предупреждали, что в конце концов валютный кризис будет разрешен в интересах широких кругов населения. Теперь только важно, чтобы кто-нибудь авторитетным и солидным тоном объявил об этом. В Америке такого человека нет, а в Англии его уже подыскивают, и в последние дни, по сообщению „Морнинг Пост“,

Лондонская радиостанция посылает в эфир призыв за призывом в поисках „человека с голосом чорта“, который будет занят с одной из важнейших радиопостановок.

Надо полагать, что такой человек в радио долго не задержится и будет отправлен делегатом на экономическую конференцию твердолобых. Очень уж голос подходящий для объявления „мира в промышленности“.